

Изъ жизни М. Горькаго.

Весною 1895 года самарскіе обыватели съ любопытствомъ разглядывали появившагося въ ихъ городѣ юношу-оригинила... Высокій плечистый, слегка сутулый, онъ неумоимо шагаль по пыльнымъ улицамъ, грязноватымъ базарнымъ площадямъ, заходилъ въ трактиры и пивнушки, появлялся на пароходахъ, возлѣ лодокъ и баржей, въ городскомъ саду, заглядываль въ окна магазиновъ и раскрытыя двери лавчонокъ, словомъ—толкался среди пестрой толпы и нарядной публики, всюду какъ бы взглядываясь въ гущу жизни и прислушиваясь къ гомону и крикамъ...

Встрѣчныхъ, особливо „изъ господъ“, удивляль его разношерстный, сборный костюмъ, старенькая темная крылатка, раздувавшаяся на ходу, подъ нею русская рубашка, подпоясанная узкимъ кавказскимъ поясомъ; хохлацкія штаны синія бумажныя, сапоги татарскіе, мягкіе съ вставками изъ кусочковъ зеленой, красной и желтой кожи; въ рукахъ — толстая, суковатая палка, на головѣ—черная мягкая шляпа съ большими обвисшими отъ дождя полями.

Изъ-подъ шляпы висѣли длинными прядями свѣтлые волосы.

— Кто такой?—думаль обыватель. Можетъ-быть діаконъ-растрига. Или просто актеръ малороссійской труппы, набравшій костюмъ во время своихъ скитаній... Во всякомъ случаѣ, какой-то чудной и явно необстоятельный человекъ.

И никто не удивился, когда нѣкоторое время спустя выяснилось, что это новый сотрудникъ „Самарской Газеты“, пишущій въ ней ежедневный фельетонъ на мѣстныя „злобы“—Іегудиль Хламида.

..Вскорѣ—разсказываетъ самарецъ А. А. Трелевъ—я познакомился съ нимъ и узналь, что его зовуть Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, что онъ родомъ изъ Нижняго, цеховой, съ 14-ти, кажется, лѣтъ, убѣжавъ отъ попечительнаго дядошки-подрядчика, бродить по Руси, занимаясь самыми разнообразными дѣлами.

О нихъ самъ Алексѣй Максимовичъ говорилъ и писалъ такъ: „Я вступилъ въ жизнь, въ активную жизнь, ученикомъ маляра, затѣмъ пекъ булки, писалъ иконы, пасъ лошадей, копаль землю для разнообразныхъ надобностей,—между прочимъ, для покойниковъ,—быль крючникомъ, ночнымъ сторожемъ, корчеваль пни, быль садовникомъ, испыталъ еще много свободныхъ профессій“...

Съ болѣе чѣмъ скромнымъ багажемъ въ видѣ разорваннаго чемоданчика, перевязаннаго веревочкой, и тощей подушки, Алексѣй Максимовичъ водворился на жительство на Вознесенской улицѣ, въ полугорѣ надъ Волгой, въ мѣщанскомъ въ три окна домишкѣ, принадлежавшемъ нѣкому самарскому итальянцу Церини.

Бельэтажъ этого неказистаго особняка, съ узкимъ дворикомъ позада, заросшимъ сорной травой, занимался семьею частнаго повѣреннаго Д. С. К.—на, а вновь пріѣзжій сотрудникъ, принятый той семьей на хлѣба (квартира, столъ и все—25 руб. въ мѣсяцъ), ютился внизу, въ довольно сыромъ и темномъ полуподвалѣ. Квадратныя оконца послѣдняго еле видны были съ улицы, и когда гость приходилъ лѣтнимъ днемъ къ Алексѣю Максимовичу, то, чтобы узнать дома-ли онъ, садился на корточки на тротуарѣ и, склонивъ голову, заглядываль внизъ...

Внутренніе апартаменты А. М. напоминали не то монашескую келью, не то камеру одиночнаго заключенія въ плохонькомъ „замкѣ“—своими выбѣленными стѣнами, свѣтомъ сверху изъ-подъ нависшаго потолка и убогой желѣзной койкой. Украшеніе комнаты составляли нѣсколько фотографій на стѣнахъ и полочка книгъ.

Подъ вечеръ въ каморкѣ дѣлалось мрачно, какъ въ гробу. Выходили въ теплое время на волю продолжать бесѣду на дворѣ, на бревнышкѣ, или за чаемъ на поставленномъ среди травки столѣ, поглядывая черезъ крыши домишекъ, что подъ горою, на сѣрую ленту Волги, на ревущаго при поворотѣ „Меркурія“, на пески и талы противоположнаго симбирскаго берега, съ бѣлой колокольней Рождествена вправо...

— Не пойти ли на пристань?—часто предлагаль Алексѣй Максимовичъ, прирожденный волгарь, вѣроятно, и въ „Лазурномъ гротѣ“ вспоминавшій свою родную, широкую изжелтасѣрую рѣку.

— Или на лодкѣ? На Татьянку, примѣрно... Здорово, а?..

И ночевали на берегу рѣчки, возлѣ кустовъ, спасаясь отъ комаровъ у костра. Цокупали у рыбаковъ рыбу.

Босой, засучивъ шаровары и рукава рубахи, Алексѣй Максимовичъ, припоминая свою службу у пароходнаго повара, чистилъ рыбу возлѣ воды, на корточкахъ, завѣсивъ лицо волосами.